7 февраля 2014 года
Выпуск №6 (216)

Еженедельная приходская стенгазета
Православие и мир

9 февраля – Собор новомучеников и исповедников Российских

Протоиерей Алексий Уминский

В истории нашей Церкви были такие значительные периоды, когда она жила подвигом мученичества. Первые три века христианства ознаменованы стоянием за веру, свидетельством о Христе и принятием на себя страданий за Христа. Мы хорошо знаем имена этих мучеников и великомучеников: святой великомученик Георгий Победоносец, святой великомученик и целитель Пантелеймон, святые сорок мучеников Севастийских, и многие-многие тысячи, сотни тысяч мучеников, которых мы славим, почитаем, любим дни их памяти, читаем им акафисты.

Но со временем способ поклонения святым мученикам в сознании людей трансформировался. Мне доводилось проходить мимо одной иконной лавки, где я увидел выставленные в витрине иконы, рядом с которыми находились надписи, от чего эта икона «помогает»: у иконы святой Матроны Московской была надпись – «От всего», у иконы Серафима Саровского – «от боли в спине». Меня ужаснуло такое совершенное непонимание того, что мы – христиане, что мы в Церкви живем, что Христос ради нас пострадал.

Когда мы обращаемся к великомученику и целителю Пантелеймону, чтобы получить от него здоровье, кому сейчас придет в голову вспомнить, как этот человек проливал кровь? У кого мы просим здоровья? У человека, пострадавшего за Христа, отдавшего все свое здоровье, как жертву Христу.

Мы сегодня почитаем память мучеников и исповедников российских. Но мы не привыкли почитать память мучеников по-настоящему, проще действовать по принципу «кто от чего помогает». Святой Спиридон Тримифунтский или святитель Николай для чего «существуют»? Чтобы помогать нам в

житейских делах, решать проблемы с жильем и бизнесом, выстраивать нашу земную жизнь. И тогда получается, что к новомученикам и ►

Протоиерей Алексий Уминский

исповедникам российским нам, в принципе, не за чем обращаться.

«От чего» помогают новомученики и исповедники российские? Я скажу от чего: они очень хорошо помогают от благополучия. Каждый из нас по-фарисейски стремится сделать свою жизнь надежной и благополучной, сытой и довольной. Вот от этого они очень хорошо помогают, потому что они помогают нам следовать за Христом. Они помогают нам вспомнить о том, что каждого из нас Христос призвал в какой-то момент встать, все бросить, взять свой крест и за Ним пойти, а если надо, – пострадать, а если надо, – умереть за Него. Они как раз в этом нам помогают. А нам меньше всего это надо, к сожалению.

Сейчас мы будем служить молебен новомученикам и исповедникам российским и просить их именно об этом: чтобы они нас вразумили, чтобы они нам дали настоящую живую веру, ангельскую веру, Христову веру, чтобы идти за Христом, слышать Его слова, чтобы мы тоже могли, когда придет наше время, все бросить и не побояться за Ним идти, и не бояться страдать ради Него.

Если мы так будем почитать наших мучеников и святых, нам будут не страшны ни боль в спине, ни неудачи в работе, ни какие-то другие временные трудности, потому что если мы со Христом, то все остальное не имеет большого значения, все остальное как-нибудь устроится – в богатстве или в бедности, в болезни или в здравии, это не так важно, не это главное. Главное – сам Христос.

www.trinity-church.ru

Евангельское чтение

О мытаре и фарисее (Лк. 18:10-14)

Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что› приобретаю.

Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику!

Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится.

Проповедь на Евангельское чтение

Митрополит Антоний Сурожский

Как весна, грядет на нас Великий Пост, как возрождение, как радость новой жизни, как обновление; и образ за образом проходят перед нами люди евангельские, которые являют нам, что стоит между нами и жизнью, жизнью вечной, открывающейся уже здесь, на земле, как радость, как торжество, как познание Живого Бога.

Сегодняшний образ – мытарь и фарисей – ясен, и вместе с тем трудно нам осуществить то, что нам так ясно: обрести добродетели фарисея и не приобрести в то же время его надменности. И, с другой стороны, прийти – не просто по сознанию нашей греховности, а глубже, по изумлению перед величием и красотой Бога – прийти в тот строй покаяния, сокрушения, который и есть евангельский строй мытаря.

Две вещи поражают в фарисее: с одной стороны, его надменность, его гордыня, а с другой стороны то, что он в себе так ошибается. Он на самом деле добродетелен, он на самом деле не хищник, не прелюбодей, не вор, как будто даже не обманщик, он на самом деле человек, который по строжайшей своей совести старается жить согласно воле Божией. И все это напрасно, ибо он ничего не приобретает из того, что является Божиим строем души. Потому что Бога нашего мы ведь знаем в Его бесконечном терпении, в Его кротости, в Его милосердии, в Его предупредительности, в Его смирении.

И вот фарисей стоит: он вошел в храм, как иногда мы входим в храм, зная, какое наше место там; вошел твердо, убежденно, стал перед Богом и благодарит – и прав, что благодарит... Только беда в том, что он не благодарит Бога за то, что Бог его защищает настолько, что ему удается жить по-человечески, а благодарит за то, что он сам такой выдающийся, замечательный человек.

А кто из нас этого не делает? Не с такой наглостью, как будто, на самом же деле с такой же дерзостью. Когда мы находимся среди друзей и хвастаемся, и стараемся им показать, как мы удачливо, умно, умело, благородно поступили – что мы делаем? То же самое, что фарисей, только как бы ступенью ниже. Он хоть Божие благоволение хотел стяжать, причем большим трудом, подвигом, а ►

мы без всякого подвига, без всякого особенного труда хотим, чтобы нас похвалили люди, не заботясь о том, что Бог об этом думает, не заботясь о том, что совесть об этом говорит, довольные собой. Какой позор, как стыдно! И на самом деле бывает стыдно, когда мы уйдем, вернемся к себе, если представим себе, какие мы были смешные, как мы подлизывались к нашим друзьям, чтобы только получить подачку, чтобы они сказали или сделали вид, что – да, мы замечательны. Как это низко и недостойно нас! Это хуже фарисея: тот, повторяю, хоть был добродетельным на самом деле, а мы – нет.

Вдумаемся хотя бы в продолжении наступающей недели в то, что мы собой представляем, чем мы похожи на фарисея, переберем тех друзей, те обстоятельства, места, где мы себя проявляем иногда – и начнем меняться.

И вот, в противовес этой кажущейся добродетели, этой лжедобродетели – мытарь. Он на самом деле плох, – и в этом отношении мы все могли бы думать о себе одинаково: мы все плохи, и во многом. Если подумать о том, что мы называем себя христианами, и представить себе разницу между Евангелием и нами – кто посмеет войти и встать перед Богом? А все-таки входим, потому что знаем, какой у нас изумительный Бог, сколько в Нем тепла, любви, ласки и терпения, и сколько Он готов положить труда на то, чтобы мы стали людьми, а потом, даст Бог, и христианами. Мы такие же, как мытарь, лишенные добра и добродетели, но мы в одном с ним разнимся. Мы не стоим у притолоки церковной, мы не бьем себя в грудь; мы смеем поднять глаза к Богу, мы смеем к Нему идти в молитве, мы смеем идти к Нему в Причастии. Все мы смеем...

И вот почти на границе наступающего уже Поста перед нами образ этих двух людей. Говорит молитва церковная: Фарисеева убежим высокоглаголания, мытаря же низкоглаголание научимся стяжать... Не в одних словах, конечно, дело, а в высокомерии, которое в нас есть, и в смирении, которого у нас нет. И перед нами две задачи: не только осознать себя греховными и плакаться перед Богом – этого мало; но осознать себя греховными и взять себя в руки, и сделать над собой усилие, и коли Господь допустил называться именем Его – христианами – попробовать быть достойными этого Его удивительного смирения. Братьями Он нас называет: нас-то! И, с другой стороны, нам надо научиться понимать, что при всем нашем усилии, это все же только усилие, а помощь, а успех, а дары – только от Бога. И лишь соединение в себе подвига одного и смирения другого может нас сделать христианами.

Вдумаемся хотя бы в продолжении наступающей недели в то, что мы собой представляем, чем мы похожи на фарисея, переберем тех друзей, те обстоятельства, места, где мы себя проявляем иногда – и начнем меняться. А когда придем в храм – будем помнить, что только Божией милостью, только Его жалостью и терпением мы можем здесь стоять. По достоинству нам нет здесь места, И тогда поплачем в сердце, опять-таки не надменно, не напоказ, а в сердце. Пусть станет нам стыдно и жалко; и если станет достаточно стыдно и достаточно жалко, может быть, и мы подвигнемся, как блудный сын, войти в себя, встать и пойти к Отцу, к Богу.

www.mitras.ru

Церковь – это я

Священник Сергий Круглов

Где границы Церкви? Кому в ней есть место, а кому – нет? Если я – христианин, то кто мне друг и кто – враг?

...Митрополит Антоний Сурожский как-то сказал: «Мы должны жить так, что, если бы Евангелия были утеряны, то, глядя на нас, их можно было бы написать заново». В каком-то очень важном смысле можно сказать так: Церковь – не «они» и не «оно». Церковь – это я. Как живу я сам – это и есть для меня Церковь. И ее границы проходят не где-то вне, но внутри меня, в моем сердце, в моем собственном устроении. По той линии, которая ведет или не ведет напрямую к знаемому мной или чужому мне Христу, и вслед за Ним, **вместе** с Ним – в Царство Божье, куда я хочу – или не хочу, если дорожу тем нечистым в себе, которому, по слову апостола, в это Царство хода нет...

Внимательно присматриваясь к себе, в том числе и к моим реакциям на мир и людей, на церковные события и реалии, я с ужасом, почти с отчаянием, вижу: я – **вне себя**. Внутри меня – столько не-Христового, столько неустроенности, той самой разрухи (помните, что говорил про разруху профессор Преображенский?), что мне страшно быть **в** ►

себе. То есть смириться и принять самого себя, такого как есть, как реальность. Меня просто выталкивает вон из себя – наружу. Вместо того, чтобы заняться чисткой сараев, своим прямым делом, я бегу, очертя голову, во внешнее: устраивать судьбы иностранных оборванцев, собирать полтинники в пользу детей Германии, петь хором то с теми, то с другими.

Сиречь – протестовать, защищать, строить или штурмовать баррикады, крепить скрепы или, напротив, раскачивать лодку, выходить на молитвенные стояния или акции протеста, готовить и совершать церковные реформы и революции или, напротив, жестоко подавлять всякое инакомыслие (и тех и других идеологий в церковной среде предостаточно), и все искать и искать границ Церкви, и все говорить и говорить о них, тем самым только способствуя новым и новым ее разделениям, расковыривая снова и снова раны ее расколов, больших и малых. Отказываясь видеть в тех, кого определяю как врагов Церкви, своих ближних, которых заповедано любить, не признавая иной формы любви к ним, кроме обличения, осуждения и предания огню и мечу.

Священник Сергий Круглов

Церковь – это «где двое или трое соберутся во имя Мое...». Ища ее границ и устраивая ее, я тщательно проверяю, во имя ли Христово собрались вот эти, которые вокруг меня – а надо бы для начала постоянно проверять, во имя ли Христово – я сам.

Церковь – это «где двое или трое соберутся во имя Мое...». Ища ее границ и устраивая ее, я тщательно проверяю, во имя ли Христово собрались вот эти, которые вокруг меня – а надо бы для начала постоянно проверять, во имя ли Христово – я сам.

А по ходу дела – не уставая сетовать: как же так, Христос создал одну Церковь, а мы грешники вон как ее раскололи... Не «мы» раскололи – я. Раскалываю именно сию минуту – тем, что до сих пор не пришел в себя, не занимаюсь и не болею собой, в том смысле, в каком звучат слова Евангелия: «Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить или повредить себе?»

Публикуется в сокращении
www.pravmir.ru

Парадокс Антония Великого

Диакон Павел Сержантов

Не всегда же нам плыть по течению

В детстве мы живем, будто бессмертные. С ощущением, что жизнь только начинается и конца ей никогда не будет. С возрастом это проходит. Мы плечами чувствуем, что детство осталось позади, впрочем, жизнь продолжается. Когда продолжение жизни завершится, то наступит смерть. Когда же наступит? Неизвестно. Каждый втайне надеется, что не скоро.

Неверующие вообще стараются обо всем этом не думать, слишком грустно. А верующие знают, что в момент смерти не уничтожается душа человека, и жизнь души продолжается. Уже не так грустно и беспросветно. Выходит, что думать о смерти и жизни нам вполне можно без депрессий и прочих психологических травм.

Не просто думать, но активнее относиться к жизни. Человек способен не только переживать протяженность своей жизни, как ребенок или как взрослый, – но управлять своими переживаниями времени, в какой-то мере подчинять время.

Это заявление кажется слишком дерзким, но именно так, «по-хозяйски», относились к своей жизни православные святые. Они не плыли по течению. Они не согласны были покорно дрейфовать по течению времени. Святые сами назначали: «Вот это будет для меня – время начала, а это – время конца». И время служило им. Через время своей земной жизни они прикоснулись к вечности, к вечному сиянию Бога.

Преподобный Антоний: каждый день считать началом

Среди множества выходящих из печати церковных книг мы легко найдем те, которые посвящены основоположнику православного монашества – Антонию Великому. Некоторые весьма примечательные духовные наставления традиция сохранила нам под именем святого Антония. Есть среди них и наставления о времени. Процитируем их.

«Утро началось, а доживу ли до вечера, не знаю. Пора спать, но приведет ли Господь проснуться, не известно. Может быть в ближайшие часы я предстану перед Судией. Прости, Господи, мне грехи»

Преподобный Антоний убеждает, «начавши, не ослабевать и не унывать в трудах, и не говорить: долго уже времени пребываем мы в подвиге; но лучше, как бы начиная каждый день, будем преумножать ревность свою».

Старец обращается к монахам. Те монахи, которые много времени провели в подвиге, нередко подвергаются особо тягостному искушению. На них нападает уныние: «Ты уже столько лет здесь трудишься. Поначалу все было вроде бы хорошо, безудержный энтузиазм, как всегда на первое время. Потом пошла тянуться рутина, день за днем, год за годом бессмысленная трата времени и сил. Теперь ты уже совсем не тот мальчишка, какой был раньше. Надо по-взрослому посмотреть на свой путь. Не пора ли эту рутину оставить в покое и вернуться наконец в родной дом, ведь жить по-христиански можно не ►

только в келье?»

От унылых мыслей на подвижников нападает изнеможение, ослабляется подвиг. Опытный в духовном деле человек, преподобный Антоний, укрепляет собратьев практическим советом: надо не оглядываться на долгий пройденный путь, а каждый день начинать, как будто он первый. Это с Божией помощью усилит ревность и отгонит уныние.

Каждый день может быть началом какого-то нового этапа жизни, вестником небывалых событий. Это справедливо не только для монахов, для семейных людей тоже подходит.

Преподобный Антоний: каждый день считать концом

Перевернем процитированную страницу «Добротолюбия». И опять под именем Великого Антония мы встретим мысли о времени. Теперь уже противоположного характера. Процитирую: «Если мы станем жить, как умирающие каждый день, то не согрешим... чтобы мы каждый день пробуждаясь, думали, что не доживем до вечера, и опять намереваясь ложиться спать, думали, что не пробудимся; потому что и по естеству не известен предел жизни нашей, не известно и то, какую меру полагает ей каждодневно Провидение».

Здесь несколько другая ситуация: человек ходит по земле, не зная, когда завершатся его земные дни. И это может привести душу в легкомысленное настроение. Мы намеряем себе долгий век, думаем, что на все времени хватит, можно и отложить какие-то дела на потом: «На исповедь, конечно, надо бы сходить. Грехов поднабралось с прошлой исповеди, есть в чем покаяться. В ближайшее время я не пойду, но как-нибудь на службу схожу. Вот скоро Великий пост по календарю, посмотрим, постом – может быть».

А земная жизнь каждого человека не бесконечна. И когда Промысел призовет каждого из нас, Бог весть. Поэтому преподобный Антоний берет за правило считать: «Утро началось, а доживу ли до вечера, не знаю. Пора спать, но приведет ли Господь проснуться, не известно. Может быть в ближайшие часы я предстану перед Судией. Прости, Господи, мне грехи».

Человек, воспитавший в себе чувство, что скоро на суд, – укрепляет в себе покаяние и решимость противостоять греховным соблазнам.

Какой будет наш путь?

Жизнь может быть длинной или короткой, что для нас, конечно, важно. Еще важно, выйдет ли жизнь пустой или насыщенной большими событиями.

Если день за днем следовать словам преподобного Антония, то жизнь будет наполненной смыслом, полноценной, христианской.

Каждый день может начинаться как «первый день». С другой стороны, каждый день может начинаться как последний день». Все разом: сегодня – «первый день и последний день».

Жизнь словно сжимается в небольшой отрезок «сегодня». Этот отрезок жизни становится весомым. В нем полной грудью дышит человек, он напоен благодатью. Не будем унывать, не будем беспечны, станем жить с Богом.

www.pravmir.ru

Подготовлено совместно с Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

«Православие и мир» — ежедневно о том, как быть православным христианином сегодня.

Редакторы: *Мария Абушкина, Анна Данилова*
Корректор: *Екатерина Сысина*
Макет, верстка: *Сергей Амиантов*
Художник: *Наталья Сажина*

Адрес в интернете: www.pravmir.ru
Электронная почта: gazeta@pravmir.ru